

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ПРОСТРАНСТВО
БЕЗГРАНИЧНОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
к **70**-ЛЕТИЮ
ВСЕВОЛОДА
ЕВГЕНЬЕВИЧА
БАГНО

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

УДК 82
ББК 83.3(0)
П82

Редакционная коллегия

*В. В. Головин, П. Р. Заборов, М. Ю. Коренева,
А. В. Лавров, С. И. Николаев (председатель), В. В. Филичева*

Рецензенты

А. Ю. Миролюбова, Т. В. Мисникевич

П82 Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. — СПб. : Нестор-История, 2021. — 632 с.

ISBN 978-5-4469-1884-3

Сборник, посвященный 70-летию Всеволода Евгеньевича Багно, включает в себя статьи по истории зарубежных литератур, а также русской литературы в контексте мировой культуры. Особый раздел составляют новые переводы и публикации, дополняющие собой картину русско-европейских культурных связей разных эпох. Среди участников сборника ученые разных поколений, разных стран и представители разных научных школ.

УДК 82
ББК 83.3(0)

ISBN 978-5-4469-1884-3

9 785446 918843

© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

А. М. Грачева

*Санкт-Петербург,
ИРЛИ РАН*

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД

Алексей Ремизов вступил на путь писателя в 1902 году, будучи политическим ссыльным и не имея достаточных личных средств к существованию. О своей жизни в провинции в первые годы после ссылки (1903–1904) он рассказывал дочери Наташе в неотправленном письме, сохранившемся в составе его дневниковой записи от 26 июня 1917 года: «Родилась ты в лунную весеннюю ночь <...> Жили мы в Одессе на Молдаванке, это самая заброшенная часть города, где ютилась одна беднота. <...> Мы очень бедно жили. До масленицы служил я в театре в Херсоне. А в Великий Пост в Одессу переехали. И уж жалованья мне никакого. Я тогда только-только выбивался на трудной писательской дороге. И шел своим путем. А это очень трудно. В Одессе был журнальчик “Южные записки”. Носил я туда и не раз, все назад возвращали за “непонятностью”».¹

Осенью 1905 года, когда властями был снят запрет на проживание бывших ссыльных в столице империи, молодой литератор с супругой и маленькой дочкой приехал в Петербург. И здесь возможность зарабатывать на существование литературным трудом писателю, создававшему некоммерческие произведения, была почти эфемерной. После недолгой технической работы в журнале «Вопросы жизни», обеспечивавшей в том числе проживание в комнатах при редакции издания, Ремизов пережил период почти полного безденежья. О нелегком времени 1906–1907 годов после закрытия «Вопросов жизни» он вспоминал: «Мы переехали <...> За первый месяц на нашей новой

¹ *Ремизов А. М.* Дневниковые записи Ремизовой-Довгелло Серафиме Павловне, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Кн. V // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 291. Л. 17.

квартире не хватило <...> вызывают к “мировому” за неплатеж. Единственное мое спасенье “Мышка-морщинка”: “Мышку” взял “Шиповник” <...> и выдали мне из 25 рублей гонорара 15 аванс. Я и пошел к мировому с этой мышью казной <...> Мировой <...> принял от меня мышкыны 15 рублей и безо всякого штрафа <...> И прямо от мирового пошел я опять в “Шиповник” клянуть рубль в счет гонорара. И проваландался из-за рубля целый день: понятно, только что пятнадцать дали и какой же еще рубль — этак все можно, до выхода книги весь гонорар забрать! <...> Надо было перевезти вещи в комнату на хранение, квартиру будем искать потом, когда вернемся осенью из Берестовца с Наташей. Денег никаких и не только квартиру нанять, а и на дорогу, да и за комнату надо вперед. Я заложил золотую ризу “Трех радостей” — дали у Пяти Углов семьдесят пять рублей».²

К концу 1900-х годов Ремизов уже добился известности в элитном кругу писателей-модернистов, но его материальное положение продолжало оставаться тяжелым. Инцидент 1909 года — обвинение его в плагиате³ — способствовал ухудшению физического здоровья литератора (развитию на нервной почве желудочного заболевания), а также возникновению проблем с публикацией его произведений.⁴

В этих-то сложных обстоятельствах, с 1910 года и началось взаимодействие Ремизова с «Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым» («Литературным Фондом», 1859–1922; далее: *ЛФ*), к чьей помощи деятели русской культуры не раз обращались и во второй половине XIX, и в начале XX века.⁵ По данным первой записи в учетной карточке, заведенной в *ЛФ* на имя писателя, в январе 1910 года ему было назначено продолжительное пособие размером 25 рублей в месяц.⁶

² Ремизов А. М. В розовом блеске // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. XV. В розовом блеске. СПб., 2019. С. 505–506.

³ Подробнее см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2001. С. 99–124 (Slavica Helsingiensia. № 39).

⁴ См.: Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003. С. 178–197.

⁵ О деятельности *ЛФ* в начале XX века см.: Алексеев И. А. Литературный фонд и Горький // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л., 1959. С. 412–423; Юдина К. М. Литературный фонд и русские писатели 1910-х годов (письма М. Горького, С. Есенина, Н. Клюева, С. Подъячева) // Русская литература. 1966. № 2. С. 209–212.

⁶ «Ремизов Алексей Михайлович» [учетная карточка в картотеке Литературного Фонда] // ИРЛИ. Ф. 155. Здесь и далее документы Санкт-Петербургского

В начале мая 1910 года председатель Комитета *ЛФ*, издатель и общественный деятель Лонгин Федорович Пантелеев (1840–1919) получил краткое послание от А. М. Ремизова:

«1 мая 1910.

СПб., М<алый> Казачий пер., 9 кв. 34
Алексей Михайлович Ремизов

Глубокоуважаемый Лонгин Федорович!

Прилагаемое письмо Д. Ф. Filosofova, которое я должен был лично передать Вам, посылаю. Я плохо себя чувствую сейчас и выходить боюсь.

А. Ремизов».

К этой записке было приложено письмо члена *ЛФ*, литературного критика и публициста Дмитрия Владимировича Filosofova (1872–1940):

«Письмо к Вам доставит сам А. М. Ремизов⁷

22 апр<еля> 5 мая <1>910

Villa Paulette

Boulouris- sur-mer

Var

France

Многоуважаемый Лонгин Федорович!

Из газет узнал, что на последнем заседании Фонда я избран в члены его, и вот уже обращаюсь к Вам с ходатайством об одном моем большом приятеле и талантливом писателе *Алексее Михайловиче Ремизове*. (Малый Казачий пер<еулок> д<ом> №9 СПб.).

Вот уже год как он хворает. С января <1>910 г. его лечит, по моей просьбе, мой хороший знакомый, старший врач Свято-Троицкой общины, Николай Федорович Чигаев. Из прилагаемого при сём документа Вы увидите, что здоровье Ремизова все еще плохо. Работать ему очень трудно, и даже нет возможности выбраться на лето из города, что было бы ему совершенно необходимо.

В январе Литерат<урный> Фонд постановил выдавать ему в течение 4 мес<яцев> пособие в размере 25 рублей в месяц. Срок для выдачи пособия кончился. Вместе с тем, именно теперь, когда

«Литературного Фонда» 1910–1917 годов цитируются в тексте по материалам данного фонда, хранящегося в ИРЛИ РАН.

⁷ Помета Filosofova справа на полях.

наступает глухое летнее время, это пособие Ремизову необходимо больше, чем когда либо. Вот я и ходатайствую перед Фондом, чтобы [ему] он постановил продолжать выдачу пособия Ремизову до 10 окт<ября> <1>910 г., если возможно, в размере 35 р<ублей> в месяц, чтобы он мог хоть иметь обеспеченную квартиру.

Я чувствую на себе нравственный долг хлопотать за Ремизова не только потому, что я лично его хорошо и давно знаю, не только потому, что он переживает тяжелое время, а еще и потому, что это *один из самых талантливых и работающих современных литераторов*. Его сочинения такого рода, что рассчитывать на широкий успех Ремизов не может. Слишком серьезно относится он к делу и слишком мало по-такает вкусу публики. Но все причастные к литературе люди знают, что талант Ремизова постоянно развивается, что Ремизов постоянно работает, и что если бы не постоянная нужда и болезни, он бы мог порадовать нас еще более прекрасными вещами. Думаю, что оказывая помощь Ремизову, Литер<атурный> Ф<онд> сделает не только доброе дело, но и поступит согласно своим славным традициям.

Искренне уважающий Вас

Д. Философов».

К этому посланию было приложено письмо известного специалиста-невролога — доктора медицины, профессора Психоневрологического института, приват-доцента Императорской Военно-медицинской академии, главного врача больницы при Свято-Троицкой общине сестер милосердия Николая Федоровича Чигаева (1859–1919):

«30 апреля
1910 г.

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

Спешу Вас уведомить, что здоровье Алексея Михайловича Ремизова далеко еще не пришло в норму, после перенесенного воспаления легкого трудоспособность его значительно понижена, а хронический катар желудка и кишок мешают правильному питанию и поправлению здоровья. Необходимо продлить лечение и улучшить питание, что может взять немало времени.

Искренне Вам преданный

Д<окто>р Н. Чигаев».

В Журнале заседаний Комитета ЛФ (Протокол № 14 от 10 мая 1910 года) было записано решение: «Продолжить пособие в 25 рублей в месяц, на 5 месяцев, начиная с апреля».

А в конце мая Ремизов обратился в ЛФ с просьбой:

«В Комитет Литературного фонда
<от> А. М. Ремизова

П р о ш е н и е

Ввиду состояния моего здоровья мне необходимо этим летом провести в санатории два месяца по совету доктора Чигаева. Я прошу поэтому выдать мне на дорогу. Если эта сумма будет мне выдана не сразу, а в два приема, то прошу кроме того выдать назначенное мне пособие вперед за два месяца — 50 руб<лей>.

Алексей Ремизов.
СПб., М<алый> Казачий пер., 9 кв. 34 26 мая 1910».

На заседании Комитета ЛФ слушали: «Ходатайство А. М. Ремизова о пособии в размере 100 руб<лей> на лечение в санатории г-жи Волковой и выдача вперед продолжительного пособия за июнь и август» и определили: «ассигновать 100 р<ублей> ед<инновременного> пос<обия>» (Протокол № 16 от 8 июня 1910 года). В личной карточке Ремизова в картотеке ЛФ записано: «8 июня 1910 г. Просьба о пособии на лечение в размере 100 р<ублей>. Если нельзя сразу, то в два срока, так как должен ехать в санаторий д<окто>ра Волковой по указанию д<окто>ра Чигаева (язва в кишках — катар легких). — И<мя>р<ек> предварительно написал М. М. Волковой с просьбой о льготных условиях. Ответ Волковой: может сделать лишь небольшую уступку (за двоих 180 р<ублей> в месяц), предоставить даровое пользование массажем, ваннами и т. д. <-> Выдать 100 рублей».

В 1910-е годы к Ремизову пришла литературная известность и относительное материальное благополучие. Последнее было обусловлено заключением им с издательствами «Шиповник», а затем «Сирин» договора на издание в 1910–1912 годах Собрания сочинений в восьми томах. В это время Ремизов с женой несколько раз ездили за границу. Их последнее путешествие 1910-х годов пришлось на июль и первые дни августа 1914 года. Начало Первой мировой войны (3 августа) застало Ремизовых в Германии, и они с трудом (с потерей всего личного багажа, в который входили и творческие рукописи писателя, со значительными дополнительными материальными затратами) смогли вернуться на Родину окольным путем через Швецию.⁸ С этими драматическими событиями в жизни литератора

⁸ Подробнее см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и Первая мировая война. Введение к теме // Русская литература. 2014. № 2. С. 23–29.

связаны его августовские просьбы в соответствующие организации о материальной помощи:

«В Постоянную Комиссию, состоящую
При Императорской Академии Наук,
Для помощи нуждающимся ученым,
литераторам и публицистам
<от> Алексея Михайловича
Ремизова.
Таврическая, 7 кв. 23

Прошение

В виду крайне затруднительного материального положения, вызванного пребыванием в долгом подневольном пути из Германии, лишился я значительной необходимой части имущества моего. Не имея наличных средств, и по расстроенному здоровью моему лишенный в настоящее время возможности немедленного литературного заработка, честь имею обратиться к Комиссии с покорнейшей просьбой оказать мне возможную материальную поддержку.

Алексей Ремизов
3/16 августа 1914 г.»⁹

Почти одновременно с письмом в Постоянную Комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук Ремизов написал просьбу о вспомоществовании в *ЛФ*:

«В Комитет Литературного Фонда
<от> ратника ополчения 2-го разряда
Алексея Михайловича Ремизова

Прошение

Лишившись всего имущества своего по пути из Берлина в Петербург и не имея возможности скорым литературным заработком вернуть потерянное, обращаюсь с покорнейшей просьбой выдать мне бессрочную ссуду в размере 350 руб<лей>, если найдет Комитет возможным. Буду весьма благодарен.

Алексей Ремизов
11 августа
1914 г.

⁹ ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. Ед. хр. 1732. Л. 2.

Адрес:
Таврическая, 7 кв. 23
Алексей Михайлович
Ремизов».

ЛФ только частично удовлетворил просьбу писателя, о чем свидетельствует запись в Журнале заседания Комитета *ЛФ* (Протокол № 23 от 18 августа 1914 года): «Поручить Секретарю переговорить лично. Выдать в бессрочную ссуду 100 рублей». В следующем Протоколе (№ 24) был только номинативно упомянут отчет о переговорах с писателем секретаря Комитета *ЛФ*, критика, историка литературы, социолога Разумника Васильевича Иванова-Разумника (1878–1946) и дано «определение» о выделении Ремизову еще 100 рублей. Эти действия *ЛФ* были зафиксированы в личной карточке писателя: «18 авг<уста> 1914 г. Просьба о бессрочной ссуде в 300 руб<лей> ввиду отсутствия литературного заработка и пропажи всего имущества по дороге из Берлина по условиям военного времени. / Назначить 100 руб<лей> бессрочной ссуды и просить секретаря лично переговорить. / 1 сент<ября> 1914 года» Доклад Р.В. Иванова-Разумника. Ремизов настаивает на дополнительной выдаче 100 р<ублей>. / Выдать 100 р<ублей>».

В конце 1914 года Ремизов снова наполнил о себе *ЛФ*:

«В Литературный Фонд
<от> Алексея Михайловича Ремизова
Таврическая, 7 кв. 23

П р о ш е н и е

Дважды получил я по сту рублей на просьбу мою, за что благодарю. Опять обращаюсь за пособием: прошу продолжительного пособия на полгода.

Нездоровье мое и затруднения в литературных делах моих вынуждают меня к этому.

Алексей Ремизов
8 ноября 1914 г.
Петроград».

В Протоколе № 1 <sic!> заседания Комитета *ЛФ* 10 ноября 1914 года зафиксировано постановление: «Выдать продолжительное пособие на ½ года по 40 р<ублей> в месяц». В личной карточке писателя отмечено: «Назначить на полгода 240 р<ублей> прод<олжительного> пос<обия>».

В связи с войной, ситуация на российском издательском рынке ухудшилась, была востребована литература, напрямую отвечающая задачам современного момента. В 1914 году Ремизов не смог мгновенно «перестроиться» на актуальную военную тематику. Да и в дальнейшем он лишь частично соотносил свои произведения со злободневными темами, продолжая отдавать предпочтение вечным и экзистенциальным вопросам. Все это не способствовало его материальной обеспеченности, и в последующие несколько лет Ремизов неоднократно просил поддержки у ЛФ.

В 1915 году он обращался к помощи ЛФ трижды:

«В Литературный Фонд
 <от> Алексея Михайловича Ремизова
 Таврическая, 7 кв. 23

П р о ш е н и е

В течение полугода — с января по апрель — получал я пособие по 40-а руб<лей> в м<еся>ц, за что приношу мою благодарность.

Обращаюсь с покорнейшей просьбой продлить мне продолжительное пособие по причинам прежним: случайности заработка моего и нездоровья моего

Алексей Ремизов
 2 апреля 1915 г.»

В ответ на это прошение Фонд продлил дотацию писателю еще на 4 месяца (Протокол № 16 заседания Комитета ЛФ 13 апреля 1915 года). Но по их истечении финансовые обстоятельства Ремизова не улучшились. В октябре о новом вспомоществовании ему просил Р. В. Иванов-Разумник. Для характеристики бедственного положения литератора он представил Комитету ЛФ следующее письмо Ремизова:

«19 окт<ября> 1915 г.
 Песочная, 8 кв. 3

Дорогой Разумник Васильевич!

Переехали на новую квартиру. Очень трудно было переезжать. Хотел бы попросить Вас. Мне очень неловко обращаться в Фонд, много я там набрал. Если найдете возможным, скажите за меня, что необходимо мне 200 руб<лей> на всякую потребу насущную.

Ничего у меня не выходит с моими рассказами. Отдал в “Р<усскую> М<ысль>” в конце концов. (Отказали в «Бирж<евых>

Ведомостях>», в «Ниве», в «Рус<ском> Слове»), а гонорар самый малый. Скажу Вам, за этот год гонорар мой на ½-у убавили. И дошел я до «Петербургс<кой> Газеты», где о Николе Угоднике напечатали в отделе юмористики («Летучие заметки»).

Всего Вам хорошего.

Приходите

Алексей Ремизов

Алексей Михайлович Ремизов
[Таврическая,] Песочная, 8 кв. 3».

Комитет *ЛФ* рассмотрел «письмо А. М. Ремизова к Р. В. Иванову: трудное материальное положение, гонорар уменьшен всюду на половину, просит о ссуде в 200 руб<лей>» (Протокол № 31 заседания Комитета *ЛФ* 19 октября 1915 года). Было вынесено «определение»: «Выдать в бессрочную ссуду 50 руб<лей>».

Между тем финансовая ситуация Ремизова продолжала оставаться неблагоприятной, и снова на помощь ему пришел Д. В. Философов, который письменно обратился к товарищу председателя *ЛФ*, историку литературы и критику Федору Дмитриевичу Батюшкову (1857–1920):

«26 октября 1915 г.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Только вчера мне удалось поговорить с С. П. Ремизовой, через которую шла просьба о деньгах.

Решили мы так: пусть удовлетворят просьбу Ремизова, т. е. кроме полученных 50 р<ублей> выдадут ему еще 150 р<ублей> *единовременно*. Я готов *поручиться*. Этих денег ему все равно хватит ненадолго, тогда я подам новое прошение от себя.

Признаю, что они безалаберные, но все мы, «интеллигенты», безалаберны, а потом ведь у них был момент, когда пришлось топить комодом, двумя стульями и старой «Нивой».¹⁰ Все это я пишу только для Вас.

Душевно Ваш

Д. Философов.

¹⁰ О житейских обстоятельствах Ремизова того времени см. также письмо к нему Р. В. Иванова-Разумника от 9 октября 1915 года: «Вчера был у Замятина, узнал от него, что без дров Вы сидели, и по знакомым ночевали. Отчего не написали мне?» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Р. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и комм. Е. Р. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: [Б. и.]. 1998. Вып. II. С. 87).

Р. С. При сем офиц<иальное> письмо по другому поводу. Будьте добры, дайте ему ход! Я бы непременно был вчера на собрании, если бы своевременно получил повестку».

В личной карточке Ремизова зафиксировано решение Комитета ЛФ: «2/XI 1915. Уполномочить казначея выдать 150 руб<лей> сроком на четыре месяца, по получении надлежащего поручительства Д. В. Философова». О выдаче срочной ссуды также записано в Протоколе № 1 (sic!) заседания Комитета ЛФ 2 ноября 1915 года.

В следующем, 1916 году, Ремизов продолжал печатать в периодической печати легенды, сказки, рассказы из своей будущей книги «Россия в письменах», а также участвовал в ориентированных на военную проблематику коллективных сборниках «Страда», «Полон», «Пряник осиротевшим детям». В «патриотическом» издательстве «Лукоморье» вышла его книга «Укрепя. Слово о русской земле, тайностях земных и судьбе» (Пг.: «Лукоморье», 1916. 141 с.). Однако материальное положение Ремизова заметно не улучшилось. Он так и не сумел вовремя отдать полученную ранее от ЛФ срочную ссуду, о чем Комитет Фонда постановил напомнить его поручителю — Д. В. Философова (Протокол № 11 заседания Комитета ЛФ 1 февраля 1916 года). В личной карточке Ремизова изложена дальнейшая, так и не завершившаяся история возвращения полученных им денег: «15 февр<аля> 1916. Письмо Д. Ф. Философова. Послал казначею фонда 100 р<ублей> в погашение ссуды, данной А. М. Р. под его поручительство. — К сведению. <...> 1916. 7 ноября. Довести до сведения Д. В. Философова об оставшемся долге 50 р<ублей>».

В марте 1916 года Р. В. Иванов-Разумник снова обратился в ЛФ с просьбой о выдаче Ремизову пособия «ввиду тяжелого материального положения» (Протокол № 16 заседания Комитета ЛФ 21 марта 1916 года). В качестве подтверждения критик, как и ранее, представил адресованное ему письмо Ремизова:

«20 марта 1916 г.
Песочная, 8 кв. 3
А. Ремизов

Дорогой Разумник Васильевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой. Будете в Фонде, помяните обо мне. Дела очень плохи, что Вы и по себе судить можете. Задолжал всем

по мелочам, и таким, у кого у самого нет ничего. И больше не знаю, кого просить. Очень меня мучает, что писать я должен по праздникам непременно (в другое время меня редко печатают), и все оставить должен. Постоянно так от Рождества до Пасхи. Летом же, когда нет праздников, вспоминаю и это подневольное время. Участие в сборниках платных — одно мучение: изождешься после и истерзаться. Нету минуты вздохнуть.

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов»

Результатом ходатайства Иванова-Разумника было постановление Комитета о предоставлении писателю бессрочной ссуды в размере 100 рублей (Протокол № 16 заседания Комитета ЛФ 21 марта 1916 года). То же было зафиксировано в личной карточке Ремизова: «21/III 1916. Просьба Р. В. Иванова-Разумника оказать А. М. Ремизову помощь. Крайне нуждается. / — Выдать 100 р<ублей> в бессрочную ссуду».

Примечательно, что в настоящее время два письма Ремизова к Иванову-Разумнику, приложенные к Протоколам ЛФ как документальные «подтверждения», являются единственными, чудом уцелевшими посланиями писателя к критику. Весь остальной массив писем Ремизова к тому же адресату (160 писем 1908–1919 годов)¹¹ погиб в годы Великой Отечественной войны вместе с существенной частью личного архива Р. В. Иванова-Разумника.¹²

А в 1916 году, получив выделенную ЛФ денежную сумму, писатель немедленно откликнулся следующим посланием:

«В Литературный Фонд
от Алексея Михайловича Ремизова,
Песочная, 8 кв. 3

Сто рублей получил, за которые благодарствую. И прошу, если возможно, выдавать мне в течение шести месяцев по 100 рублей. Начатое хотел бы я кончить — повесть, прерываемую мелочами

¹¹ См.: Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. 1901–1939 // ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 88.

¹² О судьбе архива Р. В. Иванова-Разумника см.: Максимов Д. Е. Спасенный архив // Огонек. 1982. № 49. С. 19; Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 29.

и неурядицами. Без такой поддержки ничего невозможно сделать. Буду очень благодарен, если не откажете.

Алексей Ремизов
28 марта 1916

Песочная, 8 кв. 3».

В этом письме Ремизов просил *ЛФ* о финансовой поддержке, необходимой ему для окончания «повести» (позднее названной романом) «Плачужная канава» (другой авторский вариант заглавия: «Ров львиный»). Писатель работал над этим произведением с 1914 года и завершил его первую редакцию к 1917 году. На титульной листе рукописи белого автографа «Рва львиного» стоит дата: «1914–1917».¹³

Комитет *ЛФ* постановил: «Выдать по 100 руб<лей> на 3 месяца. Написать объяснительное письмо» (Протокол № 17 заседания Комитета *ЛФ* 4 апреля 1916 года). В послании от 18 апреля Иванов-Разумник рекомендовал писателю: «Литер<атурный> Ф<онд> назначил по 100 р<ублей> на 3 месяца: по истечении их возобновите просьбу еще на 3 месяца».¹⁴ Ремизов последовал совету и после окончания трехмесячного срока получения регулярного вспомоществования адресовался к *ЛФ* с новым письмом:

«В Литературный Фонд

Три месяца назад я обратился с просьбой о рассроченном пособии на 6 месяцев по 100 руб<лей> и получил за три месяца (за апрель, май и июнь — 300 руб<лей>), за что приношу благодарность.

Екатерина Павловна Султанова сообщила мне, что Комитет постановил выдать мне *пока* на 3 месяца по правилам Комитета, не исключаящим права возобновить просьбу по истечении срока.

Я обращаюсь с покорнейшей просьбой продолжить мне пособие еще на три месяца, без чего не окончить мне ту работу, о которой я писал в прошлом моем заявлении.

Алексей Ремизов

1916

4 июня

Песочная, 8 кв. 3

Алексей Михайлович Ремизов

¹³ Ремизов А. М. Ров львиный [Плачужная канава]. Беловой автограф с правкой. Дата на титульном листе: «1914–1917»; дата под текстом: «Берлин-Берестовец 1914, 1917 / Киев 1918» // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 8. 181 л.

¹⁴ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.). С. 88.

(с 10-го июня адрес мой:
Петербург, Русский Торгово-Промышленный банк
Инспектору Федору Ивановичу Щеколдину
для А. Ремизова)».

Решением Комитета *ЛФ* получение Ремизовым пособия в размере 100 рублей было продлено еще на 3 месяца (Протокол № 22 заседания Комитета *ЛФ* 7 июня 1916 года). Это решение было записано и в личной карточке Ремизова: «Возобновить пособие на 3 месяца, с 1 июля, по 100 р<ублей>».

Следующий эпизод контактов писателя с *ЛФ* относится ко времени, когда в феврале 1917 года в России произошла Вторая русская революция. Согласно своим историсофским воззрениям тех лет Ремизов не признавал для России революционной дороги. Литератор видел в событиях Февраля 1917 года трагическое отступление страны от закономерного пути ее эволюционного развития. Как и ранее, в 1914 году, он не примкнул к когорте литераторов, немедленно откликнувшихся произведениями на новую злободневную тему — тему русской революции. В связи с этим возможность для Ремизова зарабатывать на жизнь профессиональным трудом снова значительно уменьшилась. Не улучшалось и здоровье писателя. Он продолжал страдать желудочно-кишечным заболеванием. В связи этим Ремизов намеревался пройти лечение в созданном в Ессентуках по инициативе доктора М. С. Зернова специализированном санатории для малоимущих. Пациентам этого учреждения предоставлялись значительные скидки. В связи с этим писатель обратился за помощью к тогдашнему председателю Комитета *ЛФ*, историку литературы, библиографу, профессору Бестужевских курсов Семену Афанасьевичу Венгеру (1855–1920):

«В<асильевский> О<стров> 14 л<иния> 31 кв. 48
Алексей Михайлович Ремизов

Председателю Комитета
Литературного Фонда

Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Обстоятельствами жизни нашей вынужден обратиться к Вам с просьбой о бессрочной ссуде в 500 рублей.

Я не политик и кроме беллетристики ничего не могу писать. Я не могу писать о войне, не могу писать и о революции. Я остался совсем

без дела. Если бы я был здоровым человеком, я мог бы принять участие в работе нелитературной, но я ни на что не годен. Вот причины, почему обращаюсь к Вам (сейчас вот до 12⁰⁰ с<его> м<есяца> послать 220 р<ублей> за комнату эссенгукскую — половинную плату, а то не дадут комнаты и тогда совсем плохо). Пишу об этом для объяснения, что прошу такую сумму — 500 руб<лей>. И прошу, если найдете возможным, выдать мне деньги сразу, не по частям.

Алексей Ремизов».

Комитет *ЛФ* постановил выдать писателю только 220 рублей, предназначенных для оплаты комнаты в санатории (Протокол № 13 заседания Комитета *ЛФ* 10 апреля 1917 года). Получив выделенные деньги, Ремизов немедленно откликнулся следующим письмом:

«23 апреля 1917

В<асильевский> О<стров> 14 л<иния> 31 кв. 48

Алексей Михайлович Ремизов

В Комитет Литературного Фонда

220 руб<лей> получил я и приношу мою благодарность. Эти 220 руб<лей> я послал за комнату в Эссендуки и ничего у меня не осталось.

Снова обращаюсь с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможность выдать мне бессрочную ссуду в размере 200 руб<лей> единовременно. Литературный заработок мой не налаживается, и потому прошу.

Алексей Ремизов».

Послание писателя было рассмотрено Комитетом, который постановил: «Выдать 100 руб<лей> бесср<очной> ссуды» (Протокол № 15 заседания Комитета *ЛФ* 8 мая 1917 года).

В личной карточке писателя зафиксировано еще одно касающееся Ремизова постановление Комитета *ЛФ* уже от 1 августа 1917 года: «Просит 200 р<ублей>. Остался без средств, так как пришлось выслать в Эссендуки раньше полученное. / — Выдать 200 р<ублей>».

Это была последняя денежная помощь, полученная Ремизовым от российского Литературного Фонда. Общественная организация прекратила свое существование спустя недолгое время после Октябрьского переворота. Публикуемые материалы наглядно свидетельствуют о том, что в 1900–1910-е годы *ЛФ* реально помогал писателю в критические моменты его литературного пути. В тяжелых условиях

бытия красного Петрограда 1919–1920 годов целый ряд почтенных членов Комитета ЛФ, не раз откликнувшихся на просьбы о вспомоществовании, повторяя слова Д. В. Философова, «одного из самых талантливых и работающих современных литераторов», скончались от недоедания, холода и болезней. Нелегкими были 1917–1921 годы и в жизни Ремизова. В дневниковой записи от 17 июля 1919 года он писал о своих материальных обстоятельствах: «Опять на распустье: вывезет или пропад? На первом месте: агитационная литер<атура>, затем учебная, потом классики, а потом все мы еще живущие Робинзоны. На жалованье жить невозможно. Надо еще что-то. А печатать не будут. Как же жить-то. Вывезет или пропад? В прош<лом> году, помню, когда уничтожили газеты и журналы, было жутко и до 19 года. Осень и зиму побирался, должал, потом вывернулся кабалой. А теперь, что вывезет, на что надежда<?>». ¹⁵ В августе 1921 года Ремизов покинул Россию. В условиях эмиграции его авангардное творчество также не соответствовало «насущным» и «актуальным» запросам «среднего читателя», и писатель был вынужден искать поддержки уже у других благотворительных фондов и меценатов.

Приложение

А. М. Ремизов <Цикл эссе в разделе «Сбор пожертвований в пользу Литературного Фонда» газеты «Новое русское слово»>

В парижском архиве А. М. Ремизова (ныне: ГЛМ. Ф. 156) сохранились 5 неатрибутированных вырезок газетных публикаций ремизовских текстов с незначительной авторской правкой и рукописные черновые варианты к некоторым из них (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 219. 8 л.). В двух персональных библиографиях произведений Ремизова данные об этих эссе отсутствуют (см.: *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Étalie par H. Sinany; sous la dir. de T. Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1978. P. 164–169 (Bibliothèque Russe de L'institut d'études slaves. T. 44. Série: Écrivains russes en France); Алексей Михайлович Ремизов. Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина,*

¹⁵ Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 г. // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. V. Взвихренная Русь. С. 504.

Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 240–265). Удалось установить, что публикуемые ниже ремизовские тексты впервые появились на страницах газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

В годы эмиграции Ремизов находился в контакте и получал материальную помощь от ряда государственных и частных благотворительных организаций. В числе последних был и основанный в США в 1918 году «Фонд помощи российским ученым и писателям», впоследствии переименованный в «Литературный Фонд». В преддверии Рождества американский «Литературный Фонд» регулярно объявлял благотворительный сбор пожертвований, о чем сообщалось, в частности, в газете «Новое русское слово». Ее издателем и главным редактором был председатель Литературного Фонда, журналист и общественный деятель Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973). С ноября и по декабрь включительно в газете периодически печатались комплексы материалов под общим повторяющимся заголовком «Сбор пожертвований в пользу Литературного Фонда». Подборки состояли из краткой информации о ходе кампании и из печатавшихся списков имен донаторов с указанием денежной суммы, пожертвованной каждым из них. В состав этих материалов также входили анонимные (по условиям редакции) письма-просьбы людей, нуждающихся в помощи, с описанием их тяжелой жизненной ситуации; благодарные послания тех, кто уже получил поддержку; и, наконец, написанные в свободной форме обращения известных общественных деятелей и литераторов, призывающих поддержать проходящую благотворительную акцию. В число таких радетелей Фонда вошел и Ремизов. В последние годы жизни (1952–1956) в ноябре или в начале декабря он регулярно писал миниатюрные эссе в помощь кампании по сбору средств для американского Литературного Фонда. В 1957 году подобное эссе не было написано им только потому, что 26 ноября после болезни А. М. Ремизов скончался.

<1>

Говорит Алексей Ремизов:

Я никогда не видал нигде еще такой обреченности, как глаза писателя. По этой жуткой примете я угадывал, и узнаю его в тесной и разноглазой толпе.

«Писатель» — какое неверное существование при непохожей ни на что работе: литературное ремесло. Кому придет спросить: как

делаются книги и пишутся статьи — все кажется само собой, легче легкого и очень просто: сел и написал — на то и пи-са-тель!

Книги пишутся о мыслях. А мысль — своевольна, не камни, рукой не схватить, не встряхнешь и не бросить, мысль не летит, мысли — отточенным словом сковать воздухом в этом всё — душа литературного ремесла.

Я знаю, за суетой, за окликом, за непременною погоней достать себе корм, с каким жалким упреком, рассеиваясь, пропадают невысказанные мысли и с болью погасшие слова.

В жизни я никогда не был в рядах первый, а всегда со «многими другими», за многих и других мой голос: я знал и знаю радость моего дела — «искусство слова», и горечь литературной жизни без завтрашнего дня.

Париж, 22 ноября 1952 г.

Опубл.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 2 дек. № 14829. С. 3.

<2>

Алексей Ремизов о судьбе писателя

Что такое счастье?

— Счастье... уверенность в завтрашнем дне.

Какое счастье — мера и доля — выпадает на судьбу писателя? Смешно говорить: счастье — писатель! Посмотреть на писателя всегда любопытно, но подумать, как и на что живет эта человеческая порода «мысленного производства», едва ли кому придет в голову.

Жизнь писателя, за редким исключением, это я говорю, послушайте меня! — не только без завтрашнего дня, а хорошо еще, если дотяну до вечера и, ложась спать, скажу себе: и еще день скovyрнул — падай в бездонную яму. А с чего начнется мое завтра? Да с чего началось сегодня — надежда. Наблюдение всей моей жизни: нет прерывности в сердце между вашим и моим, не пропасть, а тропка. Так в чувстве, так и в мыслях. Вот почему мой завтрашний день — мое счастье — не только в моей вере в отзывчивость, но и в ощущении теплоты вашего сердца.

Алексей Ремизов.

10.XI.53.

Париж.

Опубл.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1953. 19 нояб. № 15181. С. 3.

<3>

К тонкому слуху¹⁶

Что может быть плачевнее болезни. И особенно когда захворает писатель — живет без устоя: сегодняшним днем. Нельзя откладывать и подождать. Надо сейчас и теперь, и скорее. Денег никаких, а надо сейчас.

И куда-то вдруг все исчезают. Человек в жару, стучит зубами. Это стук о помощи. И спина за спиной — уходят: «не я, а кто-то что-то делает, поможет».

Я верю, я знаю, не все глухие, я говорю о глухоте сердца — я верю в тонкий слух и отклик: не все же придут, посмотрят, потужат и разойдутся под стук зубов и извив задоха.

Алексей Ремизов.

18.11.1954 Париж

Опубл.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1954. 28 ноября. № 15555. С. 3.

<4>

По поводу сбора Литературного Фонда¹⁷

Вынужденный покинуть родину поэт, витязь Мутаннаби, поехал к своему щедрому покровителю в Египет. И как будет в Египте, слышит — друг его помер.

И перед ним открылся путь бездорожья. Странствовать по белому свету. Не глядя в прошедшую бурю и не гадая о будущем в душевной смуте — взялся тешить себя стихами. Но перо своим черным языком остерегает: берись за перо, только когда рука устанет от железа. Так учило меня перо в дружеской беседе. Следовало бы мне послушать и излечиться от бури. Но я не послушался, я написал «Касыду» (поэму) и должен признаться, что я себе повредил: голова моя расстроена, мысли смешались. Говорят только мечом можно добиться цели. Но спросите, кто мог пером заработать на жизнь!

¹⁶ *Предисловие от редакции:* «Больной писатель А. М. Ремизов счел своим долгом откликнуться на сбор Литературного Фонда следующей заметкой:»

¹⁷ *Предисловие от редакции:* «Печатаем письмо А. М. Ремизова, присланное им в связи со сбором Литературного Фонда. Письмо это в комментариях не нуждается.»

Не один век, десять веков, как прозвучали эти горькие слова из Аравийской пустыни — одного из славных сынов «пожирателя ящериц» — Мутаннаби.

Но и через десять веков (вся история России) разве что изменилось? Литературный труд по-прежнему «забава», и писатели на паперти животворящего храма жизни стоят с протянутой рукой.

Алексей Ремизов.

Париж.¹⁸

Опубл.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1955. 23 нояб. № 15488. С. 3.

<5>

Помогите!!!

Писателю, очутившемуся на улице, — невесело. Это, когда написанное — труд жгучей ночи и контрольных дней — негде напечатать, или на готовое напечатанное, собранное в книгу, нет издателя. И такой фланер со стороны праздной тоже не из бумаги сделан. Я при таких обстоятельствах и душевном состоянии, припоминаю, меня особенно тянула чайная колбаса: тоненькие ломтики с черным хлебом. Но бывает и так: перед глазами яма — ни туда, ни сюда — яма. Это болезнь. Что может быть безотраднее: больной писатель. Доктор пропишет лекарство, но аптека не даровое увеселительное заведение, и волшебные пилюли кусаются. И у меня сквозь задох выговаривается одно единственное слово — повторяемое тысячу раз, настойчивое: помогите!

Алексей Ремизов

4 декабря 1956 года

Париж.

Опубл.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1956. 17 дек. № 15878. С. 3.

¹⁸ В хранящейся в ГЛМ вырезке эссе имеется отмечающая дату публикации текста карандашная приписка рукой неустановленного лица: «Среда 23/XI 1955».